

МОЙ «ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР» БЕСЕДЫ С МАРГАРИТОЙ АДЛЬФОВНОЙ ПОЛЯКОВСКОЙ

В интеллектуальной культуре византийского времени особое место было отведено отношениям «учитель – ученик» – отношениям, проникнутым дружеским расположением между наставником и его подопечным. Духовную связь с учителем, рождавшуюся в период ученичества, образованные византийцы зачастую сохраняли на всю жизнь. Этот сюжет из богатой византийской истории был предметом изучения и Маргариты Адольфовны, и автора этих строк. Удивительным образом такие же прочные, по-родственному близкие отношения (как я их называю – «византийской чеканки») сложились и между нами – Учителем и учеником. Многие годы нас связывают не только общий научный интерес и предмет исследования, но и искренняя человеческая привязанность. Давно уже выйдя за рамки отношений «учитель – ученик», мы с Маргаритой Адольфовной многие годы ведем нескончаемый диалог, где есть место и высоким темам, и повседневным вопросам. За двадцать лет общения мы много раз говорили с ней о прошлом – ее учителях, людях, с которыми она имела счастье встретиться на «византийских дорогах», событиях, запечатлевшихся в ее памяти яркими образами. Из этих бесед, касающихся «византийского мира» моего Учителя, и выросло интервью, которое по случаю юбилея было решено опубликовать. Представленное ныне читателю, оно может, на мой взгляд, добавить новые штрихи к портрету не только юбиляра, но и целой эпохи византистики.

Т. Куц

Татьяна Куш: Маргарита Адольфовна, Вы уже более полувека исследуете различные проблемы истории Византии. Что привело Вас в мир византистики?

Маргарита Поляковская: Конечно, встреча с таким ярким, неординарным, талантливейшим ученым, каким был Михаил Яковлевич Сюзюмов, во многом определила мой жизненный путь. Он был оригиналом и в мыслях, и в поступках, всегда плыл против течения – будь то научные выводы или повседневные ситуации. Конечно, был в этом и некий эпатаж, желание удивить собеседника и как следствие – повести за собой. Однако моя встреча с этим удивительным ученым произойдет довольно поздно. В мои студенческие годы Михаил Яковлевич еще не работал в университете. Нынешние студенты порой начинают исследовать выбранную ими еще на первом-втором курсе тему в течение многих лет, вплоть до диссертации. У меня все было иначе. Курс истории Средних веков нам читал Наум Абрамович Бортник, специалист по Италии. Темы по истории Византии он рекомендовал на самостоятельное изучение (они даже не включались в экзаменационные билеты). Так что с Византией в студенческие годы я так и не встретилась. Зато Италию прочитали нам во всех деталях. В целом уровень обучения был высоким. Да и курс у нас подобрался очень сильный – сплошь отличники и бывшие школьные медалисты. В те годы было принято с первого курса записываться в какой-нибудь научный кружок. Выбор был нелегким, поскольку это определяло будущую специализацию. После некоторых раздумий я выбрала кружок молодого, яркого, шумного и, как позднее оказалось, талантливого Льва Наумовича Когана. Он дал мне совершенно неподъемную для первокурсницы тему о националистическом движении на Кавказе во второй половине XIX в. Несколько примиряло с темой то, что источником для ее разработки стали письма и литературные труды русских офицеров, служивших на Кавказе. Отказаться я не посмела, хотя сразу поняла – не мое. Писалось мучительно, но к научному руководителю ни разу не подошла. Сдала сразу готовую работу, а Коган представил мой доклад на областные студенческие чтения. Этот доклад в типографски оформленной обложке пролежал в нижнем ящике стола всю мою жизнь, но я ни разу его не открывала: стыдно за мое детское невежество. Однако вот сейчас подумалось, что эти муки первокурсницы дали мне положительный заряд на будущее: я так же мучилась с византийскими письмами, стараясь понять, как их авторы воспринимали трудности своей эпохи.

На втором курсе я решила сменить научный кружок, предпочла Кавказу историю Рима и в составе группы из пяти студентов стала ра-

ботать с Бортником по профилю его диссертации. Мне достался тот раздел, который касался римского *populus* XII в.: полное отсутствие научной литературы и только разбросанные маленькими фрагментами свидетельства латинских хроник. Последующие четыре года – это заваленный фотокопиями хроник письменный стол. Мой первый латинский словарь под редакцией Дворецкого, истерзанный моей постоянной работой, до сих пор хранит засушенные незабудки и цветы сирени как свидетельство того, что все это не было так уж скучно. Правда, я была увлечена не столько темой, сколько поиском.

Надо признать, что в эти годы я получила некоторый исследовательский опыт, усвоила практику работы со средневековыми источниками. Латинским языком на старших курсах со мной индивидуально занимался молодой тогда преподаватель – филолог, а много позднее профессор и заведующий кафедрой и мой коллега Александр Константинович Матвеев.

После всего сказанного не хотелось бы, чтобы меня считали чистой воды академистом и аскетом. Мы тогда жили очень насыщенной жизнью в стенах университета. Студенты историко-филологического факультета охотно ходили болеть за «своих». Очень эффективным было трио политической сатиры – Валерий Усков, Владимир Краснопольский (нынешние кинорежиссеры) и будущий радиокомментатор Ян Хуторянский. Было не пробиться в актовыв зал, когда выступала «Живая газета» журналистов: остроумнейшие сценки из студенческой жизни.

По сути, все студенты где-то себя проявляли, предпочитая либо спортзал, либо сцену. Я принадлежала ко вторым. Мое амплуа – художественное слово, проза. Однажды даже на городском смотре читала «Нунчу» (из «Сказок об Италии» Горького) со сцены Оперного театра. Смешно – я ведь вообще не пою – и вдруг такая сцена... А вот другой ученик М. Я. Сюзюмова – Игорь Медведев – в свои студенческие годы пел в оперных спектаклях и даже выбирал между византисткой и сценой. Слава Богу, что он избрал все-таки науку, а то небосклон византистики был бы значительно беднее.

Кроме спорта и сцены мы занимались общественной работой. Студенты истфака должны были заявить тему лекции, которую они могли бы прочитать «для населения». Я бы и не вспомнила, что заявила в качестве темы, если бы не фотография, которую прислали на вахту университета из пожарного депо. На обратной стороне этой фотографии написано: «Лектор т. Поляковская читает лекцию на тему “Творчество Леонардо да Винчи”». Вспоминаю, что лекция была очень рано, чуть ли не в 6 часов утра, чтобы ее могли послушать пожарные ночной и днев-

ной смены (кстати, по фотографии – симпатичные ребята, немного постарше меня). Как много делал университет для формирования личности, для воспитания чувства гражданского долга.

В университетские годы мы очень много читали, восполняя то, что недополучили в школе – прежде всего это была зарубежная литература. В конце второго курса случилась поэтическая эпидемия – девочки стали писать стихи. Может быть, это воздействие древних стен нашего здания? Много раньше в нем находилось женское духовное училище, где преподавал словесность уральский писатель Павел Петрович Бажов...

Однажды, заглянув в наш спортзал, я случайно познакомилась со студентом отделения журналистики Мишей Сидоровым. Он оказался интересным рассказчиком, одержимым творчеством Ле Корбюзье и идеями конструктивизма. Помню, как на его день рождения я долго искала в книжных магазинах что-нибудь по архитектуре. Поженившись, мы прожили с ним пятьдесят лет и три месяца. За две недели до защиты диплома я сделала нам подарок на всю жизнь – родила дочку.

Такое слово, как «аспирантура» вообще не звучало в стенах исторического факультета. Все разъезжались в разные края по распределению. Одна из моих подруг поехала в дальневосточный Ургал. Мне было так завидно – бесплатно проехать полстраны! Но я осталась без распределения, поскольку мой муж, окончивший университет на год раньше меня, уже работал в одной из газет Свердловска. В школах города не было вакансий для историков, и после долгих поисков я нашла место в школе рабочей молодежи при одном из известных заводов. Коллектив в школе оказался молодежным, включая интеллигентного директора. Мне достались 5–6-е классы с учениками 17–18 лет. Это был очень радостный период в моей жизни: наконец-то настоящая работа, ученики – ребята от станка – слушают с интересом. Конечно, идиллия была относительной. Школа располагалась в ужасном длинном одноэтажном бараке, вечером было страшно возвращаться по пустырю.

Т. К.: Как все-таки произошла встреча с профессором Сюзюмовым?

М. П.: То ощущение безмятежности, счастья, уравновешенности – все в один миг исчезло: раздался телефонный звонок. Любимая многими поколениями студентов Ника Семеновна Печатальщикова сказала, что Михаил Яковлевич набирает аспирантуру и просил найти способных выпускников. За те несколько лет, когда я уже не училась в университете, произошли большие изменения. УрГУ слили с пединститутом, и все преподаватели пединститута вошли в состав факультета. Через пару лет открылся прием в аспирантуру, и право руководить аспирантами получили М. Я. Сюзюмов и И. Н. Чемпалов.

Особой радости я не испытывала, потому что это был уже другой факультет, Сюзюмова я вообще никогда не видела, а Византия являлась для меня *terra incognita*. Тем не менее я пришла в назначенное время в назначенное место. Ника Семеновна меня обняла и тихонечко толкнула в какой-то кабинет. Это был кабинет Михаила Яковлевича Сюзюмова, где состоялось наше знакомство. Меня он видел впервые, задавал мне какие-то вопросы, я, что могла, отвечала, стараясь как-то продемонстрировать свою способность заниматься наукой. Но, во всяком случае, у него глаза не заблестели, у меня тоже. Он сказал на прощание: ну что же, поступайте в аспирантуру.

На экзамене по специальности я получила четверку и была зачислена в заочную аспирантуру. Это оказалось для меня как-то неожиданно, я не привыкла вот так. Я продолжала работать в школе. Директор школы, чтобы отметить это событие, – а это было большое событие для школы, – даже купил в букинистическом магазине трехтомник Федора Ивановича Успенского дореволюционного издания. Ценнейший подарок!

В это время на кафедре уже имелись аспиранты. Дело в том, что за те четыре года, которые прошли без меня, Сюзюмов вел студентов и дипломников. Когда я пришла на кафедру как аспирантка, там уже было четыре аспиранта. Э. И. Чудиновских занималась греческими портуланами (после защиты уехала в Ивано-Франковск), Игорь Пьянков занимался Востоком (защитившись, он уехал в Ташкент, но после развала страны заведовал кафедрой в Новгороде Великом) и два византиниста – Володя Кучма, который уже к тому времени перевел «Тактику Льва», и Валентин Сметанин, который занимался категориями средневекового крестьянства. Они были более подготовлены, чем я, что стало для меня побудительным мотивом активно заниматься. Первый из дипломников Михаила Яковлевича, Игорь Павлович Медведев, уже уехал в Петербург поступать в аспирантуру.

Михаил Яковлевич поставил первое условие – выучить греческий и французский языки. И сказал мне: Вы будете читать афонские акты. Мелькнуло слово «метохия», я на него не обратила внимание, потому что тему он не сформулировал. Все аспиранты ходили заниматься у великолепнейшего преподавателя Александра Лавровича Вознесенского – это был потрясающий человек по уровню культуры, по складу души своей. Он кончил Нежинский институт древних языков, тогда это был бренд, фирма, и он охотно работал с нами. Я догоняла своих коллег по кафедре, но делала это очень быстро, потому что понимала, что должна идти в ногу и немножечко впереди. Я очень быстро догнала всех. Мы

читали Ксенофонта «Анабасис» до поры до времени, потом Михаил Яковлевич порекомендовал – хватит Античности, читайте Василики. У Александра Лавровича тогда не было учебников, он на какой-то папиросной бумаге под копирку писал нам тексты, домашние задания. Александр Лаврович, как мне казалось тогда, очень хорошо ко мне отнесся и наговорил очень много похвальных слов в мой адрес Михаилу Яковлевичу – это Михаил Яковлевич сам мне сказал, и после этого я уже поняла, что Михаил Яковлевич меня принял по-настоящему. Что касается Александра Лавровича, то я даже расскажу такой случай. Один раз – это бывало очень редко – я опоздала на занятие, извинилась, и он встал, потому что не мог приветствовать даму сидя. Мало того, он взял мою руку и поцеловал перед всей нашей маленькой компанией. Он был галантнейшим человеком другого поколения. Вот у каких стариков мы учились!

Пришлось также серьезно заниматься французским. Случайным образом я вышла на удивительнейшего человека – Нину Сергеевну Кутепову, бывшего концертмейстера Оперного театра. Она закончила в свое время Институт благородных девиц, свободно говорила по-французски, но самое главное – это ее окружение, ее воспоминания, ее друзья, прежде всего, конечно, Сергей Лемешев, который начинал работать в Оперном театре и оставался ей другом до самой кончины. Я была свидетелем, как ей пришла телеграмма от вдовы Сергея Лемешева, когда он умер. Нина Сергеевна – это целая страница в моей жизни.

Т. К.: Что отличало Михаила Яковлевича как учителя?

М. П.: Михаил Яковлевич был, конечно, Учителем с большой буквы. Но он не мог в чем-то поучать, у него не было менторского отношения к нашим работам. Я резко отличаюсь от него, потому что работаю скорее как учительница, а не учитель. А Михаил Яковлевич был Учителем. Тему он мне так и не сформулировал, говорил, читайте акты, и я читала. У меня такое впечатление, что он, может быть, и не читал мои работы. Я помню, что когда написала первую статью, еще нелепую, нескладную, и принесла Михаилу Яковлевичу, он вернул мне без всевозможных почеркушек, как всегда бывает, но в конце им были написаны его красивым бисерным почерком два абзаца. Он сказал, вот это включите и высылайте в «Византийский временник». Я прочитала и поняла, что это никогда не включу, потому что тем самым я бы произвела революцию в византиноведении (к сожалению, я не сохранила эти листочки). Тут вспоминается латинская пословица – *Quod licet Jovi non licet bovi*. Мне, конечно, не дозволено, поэтому я скромненько что-то под-

правила в этой статье и все-таки послала ее в «Византийский временник». Думаю, статью опубликовали в немалой степени потому, что он ее рекомендовал.

И даже когда дело подошло к защите кандидатской диссертации, он все никак мне не называл тему. Я долго сочиняла тему кандидатской диссертации, советовалась с друзьями, к мнению которых я прислушивалась, и считаю, что формулировка темы получилась громоздкой¹, но она точно отражала тот материал, который я все-таки собрала. Я занималась монастырскими владениями в городах, и нужно было показать, каким образом это явление сказывалось на состоянии города.

Михаил Яковлевич, как я поняла не сразу, готовил из меня дипломатиста. В связи с моим юбилеем мне попала в глаза статья, которую он когда-то написал обо мне в газету «Уральский университет», где сказал, что я уже готовый дипломатист. Он мне подарил книгу П. А. Яковенко², редчайшую, потому что она вышла в 1917 г. в Юрьеве накануне немецкой оккупации города и никогда не переиздавалась – этой книги нигде больше не найти, Яковенко не знают за рубежом, да и мало знают в нашей стране, а я обладательница этой книги. Я понимаю, что в чем-то не оправдала ожиданий Михаила Яковлевича, он хотел чего-то другого от меня, а я ведь потом ушла на другую тему, хотя очень долго читала спецкурс по византийской дипломатике. Но это не мое, и поэтому, как только появилась возможность, я занялась изучением памфлета, принадлежавшего перу Николая Кавасилы, одного из поздневизантийских авторов. Даже Михаила Яковлевича не поставила в известность. Когда я написала статью, он как-то сказал: «Ну зачем Вы это берете?» Но я продолжила работать с византийской риторикой и окончательно тему своей докторской сформулировала сама.

Михаил Яковлевич был таким ученым, которому следуешь не в связи с какими-то его поучениями, а сам по себе его пример был очень заразителен. Я вспомню еще одну латинскую поговорку: *Verba movent, exempla trahunt*. Действительно, не было никаких слов, а был пример – пример преданности своей науке, пример высочайшей учености. Конечно, стать подобным Сюзомову с его оригинальным стилем мышления, оригинальным поведением было просто невозможно, но этот пример

---

¹ Поляковская М. А. Рост монастырских владений в Фессалонике и Серрах в XIV в. как проявление своеобразия поздневизантийского города : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1966.

² Яковенко П. А. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Юрьев, 1917.

всегда был зажигательным и увлекательным. Учителем он был в несколько ином смысле. Он ввел меня в мир византиноведения, мир византинистов.

Он ведь меня, только начавшую изучать греческий язык, послал на стажировку в Ленинград в рукописный отдел к крупному палеографу Евгении Эдуардовне Гранстрем. Конечно, может, это рано было сделано, как я понимаю, но Гранстрем встретила меня очень радушно, мы как-то так сблизились. Приехав в Ленинград, я перезнакомилась со многими коллегами, хотя я сама не очень открытый человек, даже робковата бываю, когда нужно с кем-то познакомиться. Но стоило мне сказать, что я ученица Сюзюмова, меня все принимали, приглашали домой. Я была в гостях у Евгении Эдуардовны Гранстрем, она меня кормила, и, когда я сопротивлялась, говорила, что знает, что такое блокада, поэтому ей всех хочется накормить. Я была дома и у Георгия Львовича Курбатова, заведующего кафедрой истории Средних веков Ленинградского университета. Я была даже у Бориса Тимофеевича Горянова. Я подошла к нему в библиотеке и сказала, что я из Свердловска, ученица Сюзюмова. И он меня сразу же пригласил к себе, познакомил со своей женой Гали Николаевной, дал мне какие-то книги, что-то мне показывал. Когда я вернулась и сказала, что была у Горянова, Михаил Яковлевич остался очень доволен, хотя они были недругами: писали друг на друга какие-то нехорошие рецензии, придирались друг к другу, изображали какую-то борьбу. У Горянова был трудноватый характер, но меня он принял весьма радушно.

То же самое произошло и в Москве, может, не с такими широкими объятиями, но, во всяком случае, после первой встречи с Александром Петровичем Кажданом уже вечером я была у него дома. Его жена Муся радушно принимала, она была прекрасная рассказчица, мы сидели подолгу на кухне, и все это, конечно, было приятно и льстило мне. Как-то они ушли на лыжах, а я осталась у них читать Г. Хунгера. Я подружилась с молодежью: в частности, моей подругой на долгие годы стала Александра Алексеевна Чекалова, а в Петербурге ученица Курбатова Галина Евгеньевна Лебедева, сейчас заведующая кафедрой. И мы дружим не только как византинисты, а как истинные друзья во всем.

Михаил Яковлевич распахнул мне двери в мир науки и даже писал обо мне за границу. Я как-то открыла свою кандидатскую диссертацию и увидела там отзыв на нее от главы болгарского византиноведения Димитра Ангелова, но я постеснялась его отдать в ученый совет, думала, ну зачем мне такие высокие отзывы.

Михаил Яковлевич очень меня рекламировал, всегда говорил слишком высокие слова в мой адрес, а мне это было неудобно. Когда я собралась ехать на стажировку в МГУ, Михаил Яковлевич сказал: «Да что Вы, это они должны приезжать слушать Ваши лекции, а не Вы ехать в Москву!» Он бывал у меня на лекциях, и мои лекции ему нравились. Михаил Яковлевич и сам нас вывозил «в свет». Впервые мы поехали вместе с учителем в декабре 1965 г. в Тбилиси на всесоюзную сессию византиноведов.

Т. К.: А каким он был в качестве заведующего кафедрой? Вы же стали его преемницей на этом посту.

М. П.: Михаил Яковлевич административной работой совершенно не занимался, мы как-то оберегали его в этом отношении, все что-то делали. Жизнь на кафедре была не очень легкой, потому что Н. А. Бортник и Михаил Яковлевич представляли собой совершенно разные типы ученых. Михаил Яковлевич был оригиналом, не считавшимся с какими-то устоявшимися взглядами, а Бортник был более догматичен. Страсти на кафедре всегда кипели весьма серьезные.

Т. К.: Вы что-то позаимствовали от него в отношении к науке, к коллегам? Подражали ли Вы своему учителю?

М. П.: Подражать ему было невозможно. Второго Сюзюмова не может быть. Им можно было только восхищаться, удивляться ему. Но в то же время я училась у многих. Восхищаясь Сюзюмовым, я, например, могла позаимствовать какие-то методики у Каждана. На меня огромное влияние оказал Игорь Шевченко, американский византист, великий ученый, полиглот. И Каждан, и Шевченко знали о том, что я считаю их своими учителями. Михаил Яковлевич не был ревнив; он, наоборот, хотел, чтобы я контактировала со всеми учеными. Я не могу сказать, что позаимствовала его идеи или подходы. Он был просто неподражаем, оригинален.

А ведь интересно то, что наша школа – благодаря Сюзюмову у нас на Урале сложилась научная школа – генетически связана с первой в России школой византиноведения, петербургской. Ведь Михаил Яковлевич был учеником Василия Эдуардовича Регеля, издателя первого тома «Византийского временника». А сам Регель был любимейшим учеником Василия Григорьевича Васильевского, первого российского византиста. Вот где наши корни, наши гены. Я надеюсь, что не иссякнет эта полноводная река византиноведения в Уральском университете.

Благодаря Михаилу Яковлевичу мы тесно связаны также с двумя научными школами – это Эрмитаж и Херсонес. Дело в том, что во время

войны Херсонесский архив был вывезен в Свердловск Станиславом Францевичем Стржелецким, и это помогло создать новое византиноведческое направление с уклоном в археологию. Михаил Яковлевич, Евгений Георгиевич Суров и Стржелецкий подумывали, как пишет Михаил Яковлевич в одном из писем, в 1943 г. о том, что, когда кончится война, они обязательно создадут на базе Херсонеса школу по изучению византийского города. Один из златоустовских учеников Михаила Яковлевича называл его «безумцем Беранже», который может думать о невозможном. Беранже ведь навевает «человечеству сон золотой». В 43-м году говорить о создании школы, о том, что в Херсонесе будет база Уральского университета и археологическая экспедиция – это почти то, о чем писал Беранже.

И второе, это Эрмитаж, поскольку часть коллекции Эрмитажа в годы войны была также вывезена в Свердловск. Алиса Владимировна Банк, крупный специалист по византийскому искусству из Эрмитажа, тогда познакомилась с Михаилом Яковлевичем. Эта дружба тоже идет от времен войны.

Т. К.: Ваш переход к источникам риторического содержания связан с Вашей любовью к филологии?

М. П.: Наша наука нелегкая, требует большого труда. Главное – это работа с источником. Я всю жизнь сидела над переводами с греческого и латинского языков, все было заполнено только работой с источниками. Пока работаешь с текстом, приходят в голову идеи, как расставить акценты, как сформулировать тему. Заранее создать тему очень сложно, все диктует источник. На каком-то этапе жизни я поняла, что все-таки в душе я филолог. Филологическое начало, может быть, берет верх над моим историческим воспитанием. Я очень люблю слово, ярко выраженную мысль, подтекст, мне нравится разгадывать загадки сказанного. Все это есть в византийской литературе, но аллюзии спрятаны так глубоко, что требуется невероятная квалификация. Написал же И. Шевченко в одном из своих трудов, что византийский текст, как кроссворд, но в кроссворде может быть одна-единственная отгадка, а у византиниста прочтений одного и того же слова или фразы может быть множество. И нужно среди множества вариантов выбрать какое-то одно, даже если оно неверное – это не страшно, потому что это рождает научные споры.

Т. К.: Какую из своих книг Вы считаете своей самой главной?

М. П.: Все-таки самая близкая мне книга – это, конечно, «Портреты византийских интеллектуалов»³, потому что сама нащупала эту тему, вопреки обстоятельствам начала заниматься ею. У меня не было тогда еще хорошей источниковой основы, нужно было каждый раз что-то выискивать, я шла от одного источника к другому. Но меня утвердило в том, что я на верном пути, пожалуй, мое выступление в Бухаресте в 1971 г. на конгрессе. Мой доклад был одобрен: я как раз исследовала один из энкомиев – похвальное слово Николая Кавасилы одному из сыновей Иоанна Кантакузина, Матфею⁴. В этом тексте столько тонкостей, к которым можно прийти, только исследуя композиционные основы жанра. Мне пришлось искать в немецких книгах по античной риторике, пока я не выискала все нормы композиции. И эта статья мне самой очень нравится. Я некоторые свои статьи забыла, а эту помню, потому что в ней был выход на анализ композиционных особенностей риторического сочинения.

Т. К.: Какие события в Вашей научной жизни были для Вас главными, определяющими?

М. П.: Конечно, международные конгрессы были серьезной апробацией проведенных изысканий. Для меня первой ступенькой в большой мир византистики стал XIV Конгресс византистов в Бухаресте в 1971 г. Он оказался особенно важен, поскольку его руководители поставили цель привлечь внимание ученых к XIV в. в истории Византии. В ученом мире издавна сложилось мнение, что после IV Крестового похода Византия воспряла лишь формально. По сути дела, М. Я. Сюзюмов предугадал эту научную ситуацию, дав нескольким из своих учеников (в том числе и мне) диссертационные темы именно по этому слабоизученному периоду. В Москве, где собрались советские участники грядущего конгресса, нас ожидал прием в ЦК КПСС. Помню зал с зигзагообразными, обтянутыми зеленым сукном столами (как в зале Ученого совета УрГУ) и наставления по поводу престижа советской науки. Доклады рекомендовалось читать только по-русски. В программах каждого конгресса всегда объявлялось 4–5 рабочих языков, но в Бухаресте определяющим все же был французский. Через несколько дней в Буха-

---

³ Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992 (2-е изд.: СПб. : Изд-во «Алетейя», 1998). Книга переведена на сербский язык: *Poljakovska M. Portreti vizantijskih intelektualaca: tri studije / preveo R. Radić*. Beograd, 2013.

⁴ Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9. С. 77–88.

ресте нас ожидал торжественный прием. При входе в парадный зал дворца президент страны Н. Чаушеску жал руку каждому участнику. А спустя годы на экранах телевизоров всех стран показали страшную картину расстрела Чаушеску как диктатора...

Самым большим для меня научным событием бухарестского конгресса был пленарный доклад И. Шевченко. Может быть, автор и не предполагал, что его доклад станет программой для работы ученых на несколько десятилетий. Кроме того, доклад заложил основу для переосмысления значимости позднего периода в истории Византии. Я почитала И. Шевченко как учителя – он это знал, и, кажется, ему это даже нравилось. Я осознавала значимость его как ученого и всегда старалась держать дистанцию. Как-то раз случайно мы оказались рядом во главе банкетного стола. Честное слово, мне хотелось потихонечку исчезнуть и наблюдать все, что происходило, издали, получая от этого удовольствие – удовольствие быть свидетелем великого собрания ученых. Но правила хорошего тона обязывали меня быть приятной собеседницей. После обмена незначительными фразами я сказала своему знаменитому соседу: «Игорь Иванович, мне очень близко Ваше творчество. И знаете, какая из Ваших работ мне больше всего нравится?» Я поняла, что тема ему очень приятна – он с интересом ждал моего ответа. После моих слов: «Статья “Перечитывая Константина Багрянородного”⁵» он с присущим ему темпераментом даже подпрыгнул на стуле. Оказалось, что эта статья его любимое детище. Он позволил себе там небольшое озорство: редкое сочетание высокой учености и легкомысленного подсмеивания над ней.

Хотя это может выглядеть нескромно, но я расскажу о своем бухарестском докладе, поскольку мне он особенно дорог. Это не было мое первое публичное выступление – отнюдь нет! Вообще я со школьных лет легко выходила на большую аудиторию, и к тому же мне это состояние всегда нравилось. Причина моего особого отношения к этому докладу связана с тем, что я неожиданно для М. Я. Сюзюмова сменила тему (что он не одобрил, но и не препятствовал). Я стала работать с совершенно новым источником – риторикой. Тогда я это сделала интуитивно, а сейчас могу объяснить. Меня в исследовании привлекал человек, слово, эмоции, подтекст, а не процессы и события.

Для доклада я выбрала образец высокой риторики – похвальную речь (энкомий). Цветистое многословие, как я догадывалась, содержит

---

⁵ Шевченко И. И. Перечитывая Константина Багрянородного // ВВ. 1993. Т. 54. С. 6–38.

много аллюзий. Чтобы их разгадать, я решила наложить на текст строгий античный композиционный канон – и «странности» одной из ячеек канона (раздела $\gamma\epsilon\nu\omicron\varsigma$) помогли мне многое понять в намерении автора. Далеко не всегда такой метод может быть применен. Просто мне повезло: все сошлось. Поэтому я иногда в своем спецкурсе по книжной культуре Византии, когда подбираются симпатичные студенты, предлагаю им данный сюжет как некий «мастер-класс».

Все конгрессы приносят много новых знакомств, некоторые из которых остаются значимыми на всю жизнь. Так, в Бухаресте состоялось наше знакомство с профессором Лейпцигского университета Клаусом-Петером Мачке. Нашей «ученой дружбе» уже более сорока лет, и некоторые из наших учеников тоже подружились между собой.

Нельзя не вспомнить, пожалуй, и о XVIII Конгрессе. За всю историю международных встреч византинистов этот конгресс августа 1991 г. впервые проходил в России, хотя, казалось бы, русские византилисты еще в начале XX в., наряду с немецкими учеными, первенствовали на ниве византийских штудий. Московский конгресс привлек внимание многих ученых мира. Открытие его работы проходило в актовом зале главного корпуса МГУ. Все было очень торжественно – выступление президента ассоциации И. Шевченко, поздравления, концерт духовной музыки. Заседания секций и коллоквиумов шли в различных зданиях, и посему было много беготни. К тому же нам выдали большеформатные материалы конгресса в серых холщовых мешках с ручками. Так что участников конгресса можно было узнать не по прикрепленной к костюму эмблеме, а по длинным, до земли, мешкам. Спасибо, что при отсутствии денег – начало 1990-х гг. – организаторы сумели издать все материалы и вообще провести конгресс.

Свой доклад я прочитала в день открытия. Помню, как я с толстыми томами бежала к гуманитарному корпусу, как путалась в этажах, а вот как прочитала доклад, совершенно не помню. Видимо, ощущение счастья, что я не опоздала, перекрыло все остальные эмоции. Во всяком случае, у меня после заседания не было осадка неудовлетворенности. На одном из заседаний мне особенно понравился доклад мюнхенского ученого Франца Тиннефельда «Семиотические аспекты византийских общественных структур». Я тогда еще не знала, что лет через десять я обращусь к изучению церемониала. Тогда я вспомню, как изящно продемонстрировал Тиннефельд в ходе доклада, что такое проскиниза в контексте ритуала почтения к высшим лицам общества и государства. Позднее мы сблизились с Ф. Тиннефельдом через обмен книгами и письмами.

После недели докладов, выставок конгресс подошел к концу. 15 августа в кафе на Новом Арбате состоялся прием. С заключительной речью к гостям обратился тогда еще совсем молодой, в элегантном белом костюме, Сергей Павлович Карпов, нынешний глава российского византиноведения. Звучала музыка, все стояли с бокалами шампанского. Мы с моей подругой Сашей Чекаловой оказались совсем рядом с крупнейшим английским византинистом Дмитрием Оболенским. Саша, обладая талантом легкой непринужденной беседы, спросила: «Дмитрий Дмитриевич, а каковы корни Вашего рода?» Оболенский ответил: «Конечно, от Рюриковичей». Он и все мы рассмеялись: а как иначе – только от Рюриковичей.

На следующий день гости конгресса стали разъезжаться, но многие из иностранцев решили остаться еще на несколько дней. Но тут произошло непредвиденное: ГКЧП, по телевидению – «Лебединое озеро», на улицах Москвы – танки. Так Россия еще раз за двадцатый век продемонстрировала свою непредсказуемость...

Красоты Копенгагена, где проходил в августе 1996 г. XIX Конгресс, совершенно затмили в моей памяти все остальные. Церемония открытия состоялась в кафедральном соборе Пресвятой Богородицы – органная музыка, хоралы, приветствие старейшин византиноведения в парадных университетских одеяниях. А закрытие проходило в роскошной Карлсбергской глиптотеке. Я выступала в последний день с докладом «Свободомыслие или страх? Моральные доминанты двух корпоративных групп византийского общества». Слушателей собралось неожиданно много, царил забавное разноязычье. Год проведения копенгагенского конгресса был для нашей страны трудным: безденежье, приближающийся кризис. Международная ассоциация византинистов в лице И. Шевченко оказала многим материальную помощь. Игорь Иванович сам в отдельной комнате раздавал по списку деньги, чтобы было чем заплатить за гостиницу, транспорт. Уверена, это проявление гуманности было инициативой самого Шевченко.

О последующих конгрессах – Париж, Лондон, София – расскажут в своих воспоминаниях мои коллеги по кафедре, когда достигнут юбилейных дат. Мне было горько, что я уже не увижу ушедших из жизни некоторых из великих стариков. Произошла смена поколений, в науку пришла новая генерация.

Т. К.: Какие воспоминания у Вас связаны с Херсонесом и Петербургом?

М. П.: Конгрессы проводятся один раз в пять лет – и это всегда как снег на голову. Скорее мы ориентированы на постоянные внутренние

научные связи, прежде всего с нашими побратимами по годам Отечественной войны – Херсонесом и петербуржцами. У каждого из сотрудников нашей кафедры и в Херсонесе, и в Петербурге свои близкие друзья, мы любим всех и всегда готовы помочь, если понадобится.

Я много раз участвовала в различного рода конференциях в Херсонесе, и каждый раз ощущала на себе безмерное гостеприимство крымчан. Всплывающая порой в памяти картинка чаепития на музейном балконе способна вмиг прогнать сплин. Не любить этот дивный город-памятник и его хранителей невозможно. Но я не археолог, я никогда не принимала участия в археологических раскопках – и поэтому не могу называться, как некоторые из моих коллег, херсонеситкой.

Мне по моим научным склонностям ближе Петербург. В моих давних петербургских воспоминаниях на первом месте стоит, конечно, Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Приехав познать азы палеографии под руководством Евгении Эдуардовны Гранстрем, я одновременно работала и по теме моей кандидатской диссертации. Это была ранняя весна 1961 г. В течение двух месяцев я приходила в библиотеку с ее открытием, читала, затем спускалась в рукописный отдел к Евгении Эдуардовне, снова читала до закрытия зала. Вернулась домой с чемоданом выписок, карточек, кроме того, переданной нашему факультету некомплектной энциклопедией Брокгауза – Ефрона. Как дороги воспоминания того времени, особая атмосфера – от запаха старого дерева до необычайной доброжелательности всех, к кому мне приходилось обращаться за помощью.

Одновременно в этот «библиотечный» период моей ленинградской жизни я стала захаживать на кафедру истории Средних веков ЛГУ, которую возглавлял тогда молодой еще Георгий Львович Курбатов. Я прослушала его спецкурс по византийскому городу. Как-то довелось побывать на заседании кафедры, где меня представили Александре Дмитриевне Люблинской и Матвею Александровичу Гуковскому. Меня всегда смущали подобные знакомства: я ведь еще ничем не доказала права называться ученицей Сюзюмова...

С Галиной Евгеньевной Лебедевой, лучшей ученицей Г. Л. Курбатова, ныне возглавляющей «курбатовскую» кафедру, я познакомилась и подружилась уже в 70-е гг. Мы изредка встречались с Галей на различных конференциях, а апогеем нашей дружбы стала защита мною в октябре 1981 г. докторской диссертации в Совете ЛГУ. М. Я. Сюзюмов планировал, что я буду защищаться в Москве, в Институте всеобщей истории, куда по согласованию с зав. сектором византиноведения З. В. Удальцовой была послана моя диссертация со всеми документами.

Но по истечении нескольких месяцев царственная Зинаида Владимировна решила, что университетские должны защищаться в университете, и рекомендовала мне поехать в Ленинград. Когда Совет ЛГУ принял мои документы, то его закрыли на переаттестацию. Таким образом, защита затягивалась. Наконец, ожидание закончилось – защита была назначена на 30 октября 1981 г. Приехав в холодный, мокрый Ленинград, я сразу направилась в университет, чтобы донести еще какие-то бумаги. Галя Лебедева, которую я (к счастью!) встретила на кафедре, сразу же спросила, где я остановилась. Я стала говорить про какую-то далекую гостиницу, где, как говорят, может быть удастся остановиться. Галя, не дослушав, не терпящим возражений тоном объявила: «Будешь жить у меня». Я онемела: «На две недели! Сколько неудобств я создам! Нет-нет!» Мы как-то недавно с Галей смеялись над ее вескими аргументами: «Во-первых, у меня есть телефон, во-вторых, пишущая машинка. Ну а в-третьих, я буду ухаживать за тобой, как за королевой!» Одним словом, через пару часов мы уже ехали на электричке в Петергоф, где тогда жила Галя. Телефон и машинка мне, действительно,годились. А вот королевой не удалось побыть. У Гали наутро началась конференция «Ленинград – Гамбург», длившаяся неделю.

Когда я за несколько дней до защиты предстала «пред очи» ученого секретаря диссертационного совета, эта по-ленинградски интеллигентная и внимательная дама решила меня успокоить относительно некоторых обстоятельств. Во-первых, на 30 октября назначена репетиция октябрьского парада, что связано с разведением мостов. Это, в свою очередь, не позволит многим из членов совета добраться до университета. Правда, было обещано обзвонить всех членов совета, но кворум может быть под угрозой. Во-вторых, зал Ученого совета будет занят, и защита пройдет в обычной аудитории (это меня уже огорчило – люблю парадность). И, наконец, мягко предупредила меня ученый секретарь: «У нас во время защиты принято разговаривать и ходить». Вот этого моя преподавательская душа уже не могла вынести. Подумала: «Этого не будет!» И, действительно, не разговаривали и не ходили...

Перед самым началом защиты в аудиторию влилась когорта эрмитажников во главе с вдохновенной Алисой Владимировной Банк. Это было так неожиданно и так радостно – у меня есть болельщики! На защите блистали мои оппоненты – Г. Л. Курбатов, Г. Г. Литаврин и И. П. Медведев, не только известные ученые, но и прекрасные ораторы. У меня была задача не потеряться среди них. Кажется, это удалось: против никто не голосовал. Неожиданно разрешилась и последняя проблема этого длинного дня – тотальный запрет на всевозможные постзащитные уве-

селения. Как быть? И вдруг Ирина Васильевна Соколова, известнейший нумизмат, предложила всем пойти к ней. Валерий Степаненко с кем-то из эрмитажников по моей просьбе забежали в магазин, у Ирины были всевозможные салаты-винегреты – и пир начался. Боже мой, сколько тепла, внимания было излито на меня всеми дорогими мне ленинградцами... Разумеется, я не всех назвала, кто меня поддерживал в те дни, но не могу не упомянуть имя Софьи Викторовны Поляковой, крупнейшего знатока древнегреческой и византийской литературы, оригинальной и неповторимой во всем. Накануне моей защиты мы с Галей Лебедевой были у Софьи Викторовны. Она пожелала мне успеха, хотя категорически не признавала необходимых для диссертационной работы «заклинаний»: объект, предмет, цель и пр. Разумеется, она была права, но мы чаще миримся с несуразницами, чем боремся с ними. Софья Викторовна же, подобно деятелям Ренессанса, никогда не мирилась с проявлениями глупости...

Постепенно уходят в прошлое ленинградские воспоминания, а с ними и некоторые из тех, с кем эти воспоминания связаны. Нет уже Георгия Львовича Курбатова, Евгении Эдуардовны Гранстрем, Алисы Владимировны Банк, Софьи Викторовны Поляковой...

В моих воспоминаниях ленинградский период постепенно сменяется петербургским. В последнее десятилетие научные контакты уральских византинистов с питерцами, пожалуй, стали еще прочнее – конференции, защиты диссертаций, выставки, издания трудов. Возглавляет петербургскую группу византинистов – по праву! – Игорь Павлович Медведев, лучший (как мы все считаем) из учеников М. Я. Сюзюмова, давно уже занявший достойное место в мировой византинистике. Представителям сюзюмовской школы особенно приятно, что он наш, уралец, поехавший после окончания истфака УрГУ по настоянию своего учителя в Ленинград для поступления в аспирантуру.

Особые, почти родственные отношения у нас сложились с Валентиной Самуиловной Шандровской. Валентина Самуиловна работает в Эрмитаже давным-давно, ученый-сфрагист, после Алисы Владимировны Банк она заведовала отделом Востока. С юбилеем ее поздравил даже В. В. Путин. При этом она всегда была заводилой, любила объединять людей. Впервые я обратила внимание на Валентину Самуиловну, когда мы большой группой спускались с Мангупа по крутому склону горы. Приходилось хватать по пути ветки кустов, камни, чтобы не упасть. А у Валентины Самуиловны была сломана рука – и она только изредка охала, посмеиваясь. Я примерила тогда эту ситуацию на себя – я бы так держаться не смогла. Валентина Самуиловна – любительница выдумок.

Однажды в Херсонесе нас поселили вдвоем в маленьком домике, стоявшем первым от дорожки из города. Она сразу дала ему название «таможня» – собирать мзду с возвращавшихся из Севастополя. Сборов особых не было, но само слово «таможня» стало поводом для приятных воспоминаний.

Из близких мне петербургских коллег вспомню Якова Николаевича Любарского, профессора-филолога, знатока греческого языка и византийской книжной культуры. Ему был дан дар острословия – он охотно сочинял эпиграммы и шутливые стихи *ad hoc*. Жаль, что у меня из его поэтических шуток ничего не сохранилось.

Оглядываясь назад, следует сказать, что для нашей кафедры, для византинистов Уральского университета научные и личные контакты с херсонесскими и петербургскими коллегами явились основой многолетней плодотворной «ученой дружбы», стимулом для сохранения научного тонуса. А ведь у истоков этой дружбы стояли Станислав Францевич Стржелецкий, Алиса Владимировна Банк и Михаил Яковлевич Сюзюмов, встретившиеся в годы Отечественной войны в Свердловске...

Т. К.: И все же организующим центром всегда оставалась Москва...

М. П.: До конца 80-х гг. сектор византиноведения Института всеобщей истории Академии наук и «Византийский временник» были не только для уральцев, но и для других «островков» византиноведения нашей страны реальным организующим центром. Прежде всего, это были регулярные научные сессии. Моя жизнь в византиноведении начиналась с VII Всесоюзной сессии византиноведов, проходившей в Тбилиси в декабре 1965 г.: Михаил Яковлевич «вывез» тогда в «научный свет» трех своих учеников – В. Кучму, В. Сметанина и меня. Среди моря ошеломляющих впечатлений я вспомню лишь одно. Пожилой профессор на сцене актового зала Тбилисского университета читал какой-то литературный опус в манере античных (или византийских?) риторов – взывал, наклонялся, почти падал... Тогда я восприняла это как комический театр, боясь рассмеяться, а сейчас, читая курс «Византийская книжная культура» и вспоминая о византийских псогосах-памфлетах, высмеивающих ученых, собирающих у себя «театры», я безмерно жалею, что не запомнила имени тбилисского профессора. Как бы я хотела сейчас услышать и увидеть его чтение! Да и сохранена ли эта культура чтения?

Через полгода после поездки в Тбилиси к нам в УрГУ на защиту кандидатских диссертаций В. Кучмы и моей приехали в качестве оппонентов Зинаида Владимировна Удальцова и профессор Тбилисского

университета Симон Георгиевич Каухчишвили. Это была, кстати, первая защита в стенах Уральского университета на проспекте Ленина. Мы въехали в это здание 25 мая 1966 г., а 9 июня проходила наша защита. З. В. Удальцова читала мою диссертацию в поезде, и только после того, как мы добрались поздно вечером до гостиницы «Большой Урал», устроили ее в номер, она примерно перечислила несколько замечаний: надо отдать должное, что научное чутье у нее было превосходное – она точно определила те «болевы́е точки», которые требовали дополнительного обсуждения. На защите Зинаида Владимировна очаровала всех своей речью, постоянно называла меня Марианной Адольфовной и уехала, оставив мне лишь листочек с подписью: «Перепечатаете мое выступление по стенограмме». Вот такие защитные зловключения могли свершаться в наше время! В нынешний канцелярский век это трудно представить.

Т. К.: Но ведь не все так гладко было на Вашем научном пути. Можете ли Вы вспомнить какие-то неприятные моменты или ситуации?

М. П.: Сейчас мне вспоминается один эпизод из моего опыта познания оборотной стороны научной жизни. Получив возможность в течение месяца стажироваться в МГУ, я с энтузиазмом появилась на кафедре истории Средних веков, которую в то время, наряду с сектором византиноведения Института всеобщей истории, возглавляла З. В. Удальцова. Я ходила на различные лекции, заседания кафедры, занималась в библиотеке. Когда настала пора отчета, я со старанием его написала и представила на подпись Зинаиде Владимировне как моему научному руководителю. Но ту часть отчета, где я упоминала о посещении лекций А. П. Каждана и А. Я. Гуревича, она резко отмела: «К чему это? Убрать! В таком виде я отчет не подпишу». Обсуждать это было некогда – уже билет домой лежал в кармане. Но досада осталась: мне было полезно прослушать эти лекции, поскольку это мой профиль научных интересов. Но проще было перепечатать отчет по-новому. Самое любопытное, пожалуй (и вот это можно было с ней обсудить), что лекция Гуревича по феодальным структурам мне не понравилась. Признаюсь честно, что я не была в обиде на моего руководителя стажировки, но мысленно я иногда называла ее императрицей. Недаром итальянские ученые, когда Зинаида Владимировна приехала на конференцию в Равенну, где находятся знаменитые мозаики с изображением византийского императорского двора, найдя сходство их русской гостьи с супругой Юстиниана, называли ее «Феодорой».

Мой рассказ о неподписанном отчете из-за упомянутых в нем имен «инакомыслящих» (хотя я их таковыми не считаю) напомнил мне еще

одну невеселую историю – о ВАКовском периоде моей докторской диссертации, защищенной в Ленинграде в октябре 1981 г. В сентябре 1982 г. я отправилась на очередную стажировку в МГУ. Со мной ехали мои молодые коллеги с другой кафедры. Подъезжая к Москве, я сказала, что, устроившись с жильем, хочу пойти в ВАК – разузнать, как там дела с моей диссертацией. Один из моих попутчиков удивленно спросил меня: «А Вы разве не знаете?» Я, действительно, ничего не знала, и он сообщил мне, что в ВАК поступило осуждающее меня письмо от профессора нашего факультета. Поскольку имя было названо, я спросила, какие у него могут быть претензии ко мне – он же далек от проблем моего научного профиля, а преступлений я вроде бы не совершала. Собеседник ответил, что письма никто не читал, но вроде бы мой грех – «якшалась с диссидентами». Я спокойно, но с недоумением приняла эту информацию и начала конструировать последующие события: меня вызывают в ВАК и я доказываю значимость моей работы. Не знаю, как бы дальше разворачивались события, если бы на другой день я в коридоре исторического факультета МГУ не столкнулась случайно с профессором кафедры истории Средних веков Юрием Михайловичем Сапрыкиным, который мне сообщил, что он по просьбе ВАК рецензировал мою работу и дал ей «добро». При этом он добавил: «Ну, что вы за народ, уральцы: пишете друг на друга». Видимо, это был не первый случай. Так что в ВАК я не пошла, а вернувшись домой, увидела на столе открытку из ВАК с утверждением. После этого мы еще лет двадцать работали рядом с автором письма, я ничем не выдала, что мне известна его тайна. В конце концов я решила, что человеку в его уже далеко немолодом возрасте стало скучновато – и захотелось какого-нибудь фейерверка. Внутри я давно его простила (хотя не поняла). Историю эту я рассказывала, чтобы не казалось, что наука – это сплошной праздник, бывают и черные дни.

Раз я уже настроилась на не очень светлую волну, расскажу еще об одном эпизоде. В 1994 г. решено было отметить 100-летие нашего научного журнала «Византийский временник». Как известно, история византистики и «Византийского временника» в советское время была драматична. Со второй половины 20-х гг. XX в. ученые подвергались гонениям и даже репрессиям, журнал был закрыт. Лишь в конце войны, когда власть осознала значимость веры, православную Византию «простили», и в 1947 г. издание «Византийского временника» было возобновлено. При подготовке предстоящей конференции было решено поручить мне подготовить доклад о периоде 50–80-х гг. в истории журнала. Когда мне сообщили об этой просьбе Г. Г. Литаврина, я решительно воспроти-

вилась: я человек «со стороны», весьма приблизительно знаю историю «Временника» и т. п. Мне объяснили, что как раз и нужен вот такой «человек со стороны» и пр. Как я не хотела, как упорно отказывалась! Но, увы, в конце концов, вспомнив усвоенное с детства «кто-то должен», я сдалась. Представив в докладе все *pro et contra*, я постаралась сделать его предельно объективным, но без «острых углов». *Feci quod potui* – я сделала, что могла. После доклада меня многие хвалили... Но вот я увидела машущего мне рукой Якова Николаевича Любарского, который пробирался ко мне с самого верха амфитеатра Эрмитажа. Мне даже показалось, что он перешагивает через кресла, поскольку все проходы были заполнены. Наконец, добравшись, он сказал: «Мне всегда нравились Ваши выступления, но сегодня у Вас был очень плохой доклад». Я дружелюбно улыбнулась, сказав: «Но я так считаю». Слава Богу, наши отношения навсегда остались добрыми. Я его и тех, кто иначе видел события 50–80-х гг., понимаю: у каждого свои счеты со Временем. Но, чтобы не было кривотолков, я опубликовала этот доклад в книге, изданной к моему 70-летию⁶.

В 90-е гг. заведующим сектором византиноведения и редактором «Византийского временника» стал Геннадий Григорьевич Литаврин. Его усилия были направлены на упрочение статуса византиноведения в сонме исторических наук и укрепление когорты византинистов. Но все было непросто: новая страна, новые времена, новое здание Академии наук, где сектору было, как мне кажется, менее уютно, чем в старом – у метро «Академическая». Может быть, поэтому Геннадий Григорьевич был так привязан к съюзомовской школе. Мы всегда приезжали на московские конференции. Но особенно запомнилась наша поездка на Алтай в мае 1998 г. Пожалуй, это было самое отдаленное от центра место, где когда-либо проходили византиноведческие встречи. После нескольких дней заседаний в Алтайском университете и этнографических поездок мы поднялись на автобусах высоко в горы, и здесь в районе Семинского перевала остались на ночевку, разместившись на какой-то спортивной базе. Вечером кто-то соорудил костер, все стихийно потянулись к его теплу, сели кружком, помолчали немного, слушая треск дров. И как-то непринужденно Геннадий Григорьевич потянул ниточку воспоминаний. Для него эта поездка была особой – это была его встреча с родиной, он приехал в Москву из Алтайского края. Воспоминания у костра затронули всех, как будто и мы, сидя в этой красивой глуши, оторванные

---

⁶ Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 419–428.

Мой «византийский мир»

от цивилизации, тоже вернулись к своим истокам. А затем возник красивый, яркий экспромт – научный диалог между Геннадием Григорьевичем и Яковом Николаевичем Любарским. Они, сидя по разные стороны костра, бросали друг другу через его огонь свои доводы. Эта сцена – на фоне темного неба и еще более темных гор и леса – казалась неземной, нереальной. Затеянный Геннадием Григорьевичем разговор у костра, когда мурашки ползли по спине – то ли от ночной прохлады, то ли от осознания значимости всего, что с нами происходит в предчувствии Вечности, забыть невозможно.

Закончу на этой высокой ноте рассказ о моем «византийском мире». Но это не просто ностальгические воспоминания юбиляра. Скорее это возможность еще раз высказать признательность Учителю уральских византинистов Михаилу Яковлевичу Сюзумову, который когда-то поверил в нас. И 2013 г. для Михаила Яковлевича тоже юбилейный – 120 лет! Так что эти воспоминания – дань памяти моему Учителю.

Ноябрь 2013 г.